

Глава пятая

После завтрака с новообретёнными родичами Краснослав снова удалился в кабинет отца. Вчера он упустил из виду генеалогию рода Сычёвых, и твёрдо решил восполнить этот пробел.

Но едва он опустился в удобное кресло и открыл толстый альбом, как на пороге появился хозяин кабинета. Они молча встретились взглядами.

– Может, в своей комнате этим займёшься? – спустя несколько секунд спросил Афанасий Ильич.

– Нет, – кратко ответил Кувалда.

Он перелистнул ещё одну страницу с портретом какого-то предка, одетого в толстую шубу и высокую бобровую шапку. Если бы не окладистая борода, то выглядел бы он точь-в-точь как Афанасий Ильич, но даже так сходство проявлялось феноменальное.

– Скажи мне лучше, что это там, в столовой, было? Что это за сила? – спросил Краснослав.

Отец явно удивился вопросу, но быстро опомнился.

– Да, память твоя... Не думал, что ты даже это забудешь, – хмыкнул он. – Это личная сила Дормидонта. Исцеление.

– Ясно, – ответил Кувалда. – На мне пробовали?

– Ну так! Думаешь, с чего он так отощал? – воскликнул Афанасий Ильич.

– Интересно, – протянул Краснослав. – А у тебя есть? У меня?

Афанасий Ильич помрачнел.

– У меня есть. У тебя не пробудилась, сколько мы не пытались, – хмуро сказал он.

– Продемонстрируй, – произнёс Краснослав, пытаясь, чтобы это не прозвучало как приказ.

Отец пожал плечами, подошёл поближе и сжал кулак, который тут же начал покрываться блестящей металлической коркой. Через несколько секунд кулак уже полностью был стальным, металл уходил куда-то дальше в рукава, но Афанасий Ильич быстро прекратил демонстрацию силы.

Краснослав глядел то на кулаки, только что бывшие цельнометаллическими, то на раскрасневшееся лицо Афанасия Ильича, который тяжело дышал и потирал руки. И ни одного следа Живы.

– Любопытно, – сказал он. – Оч-чень любопытно.

Он захлопнул драгоценный альбом, сунул его под мышку и встал. Отец уже отдышался и теперь спокойно глядел на сына.

– Поработаю у себя, – сказал Краснослав. – Это с собой возьму.

– Вечером вы вместе с Агнией выезжаете в Гимназию, – сказал Сычёв-старший, подошёл к наследнику и положил руку ему на плечо. – Не подведи.

Краснослав скупно кивнул.

Свою комнату он нашёл не сразу, и даже пришлось прибегнуть к помощи слуг, но когда нашёл, подумал, что лучше бы остался в кабинете отца. На двери комнаты висел плакат с черепом и костями, Краснослав с удивлением узнал рептилоидские иероглифы «DANGER!». Гнев застил ему взор, похабная карикатура на кириллицу и глаголицу подняла из глубины души воспоминания о сожжённых городах и уничтоженных планетах.

Он тут же сорвал плакат, осторожно толкнул дверь, будто впервые ступая на территорию врага. Грязь, пыль, разбросанные вещи, удушливая вонь и темнота окружили капитана Кувалду. Ощущение было такое, словно в этой комнатке не прибирались годами, не только во время комы Славика.

Краснослав не был брезглив. Он был пилотом Империи, и его учили выживать везде, хоть в заснеженной пустыне Сибирии-4, хоть в удушливых мангровых зарослях Амазона. На заданиях ему приходилось есть живую саранчу и пить из конского следа, ставить засаду в болотах и даже в выгребных ямах рептилий, но любая из самых жутких планет смерти буквально меркла перед необходимостью войти в комнату Славика Сычёва. Будто какая-то противоестественная сила, чуждая не только славяноруссу, но и человечеству вообще, захватила эту комнату нечестивыми эманациями первозданного Хаоса.

Но капитан Кувалда собрал волю в железный кулак и сделал первый шаг. Подошва прилипла к полу. Каждый шаг давался всё тяжелее, но Краснослав уверенно прошёл к окошку и сорвал грязные шторы с гардин. В комнату хлынул свет, впервые за долгое время, и Краснослав вздрогнул, когда осознал увиденное.

Комната была полностью завалена мусором, но мусором специфическим. Пожелтевшие салфетки, пожелтевшие окаменевшие носки, когда-то давно считавшиеся белыми, грязное бельё, журналы со слипшимися страницами. Даже плакаты на стенах, изображающие полуголых девиц, были чем-то заляпаны.

Кувалда поморщился, ему вдруг стало противно находиться в теле Славика. Но он понимал, что другого тела и другого шанса уже не будет. Подавив тошноту, капитан Кувалда покинул тесную берлогу Славика и вышел обратно в коридор, сжимая под мышкой всю историю рода Сычёвых.

Теперь эта комната была его комнатой. И оставлять её в таком виде Краснослав не мог. Честь воина Империи не должна быть запятнана. А в этой комнате пятна были везде. Он подозвал нескольких служанок. Те подошли, недоверчиво глядя на Краснослава и с опаской поглядывая на приоткрытую дверь. Никогда раньше женщины не переступали порога этой комнаты.

Краснослав внимательно оглядел трёх женщин в строгих платьях и белых фартуках, что поддерживали чистоту и порядок в поместье Сычёвых.

– Нужны мешки для мусора, вёдра и тряпки. Прямо сейчас, – приказал Кувалда. – Ах да, и перчатки, захватите перчатки, будьте любезны.

Горничные переглянулись между собой. Никогда раньше женщины не слышали таких слов от Славки Сычёва.

– Хорошо, господин, – произнесла самая старшая.

– Будет сделано, господин, – пискнули другие.

Все трое упорхнули так быстро, что Краснослав не успел и глазом моргнуть. Сам он быстро вернул генеалогический альбом отцу, а когда пришёл обратно, служанки уже выстроились у входа в обиталище Славика, до сих пор побаиваясь туда заходить. Поэтому Краснослав Кувалда, как и подобает воину Империи Славяноруссов, первым вошёл в это ужасное место, презрев страх и отвращение.

– Перчатки, пожалуйста, – произнёс он. – Мешок, пожалуйста.

Дворянин и наследник рода первым взялся собирать гниющий мусор, изо всех сил сдерживая позывы тошноты. Горничные тут же последовали за ним на битву с многолетним беспорядком, ведь в одиночку он бы не справился.

Огромные мешки наполнялись один за другим, Краснослав не стеснялся выбрасывать всё подряд. Говорят, окружение формирует личность, а личность формирует окружение, и из этого выходило, что оригинальный Славик был довольно мерзким и неприятным подростком. Кувалда решил, что раз уж он заменил его личность, то и все напоминания о прежнем хозяине тела должны быть удалены.

Поэтому в мусор безжалостно отправлялось всё, что только можно. Фигурки развратных женщин, похотливо трясущие каменными грудями, плакаты, липкие журналы, бельё и одежда, любовные письма, написанные и неотправленные, книги про попаданцев, пустые бутылки и спрятанные папиросы. В одном из отделений комода он даже нашёл женские трусики и чулки, будто сшитые специально на Славика. Это всё тоже отправилось в утиль.

Женщины помогали молча, но Краснослав ясно видел одобрение в их глазах. Он и сам чувствовал душевный подъём, ведь настоящий славянорусс должен быть чист душой и телом. А капитан Кувалда даже в теле подростка-извращенца оставался лучшим из славяноруссов.

Он сам двигал мебель и залезал в самые недоступные углы, выметая скверну. Окно никогда прежде не открывалось и рама буквально застыла в закрытом положении, но Краснослав решительно и твёрдо распахнул его настежь, впуская свежий весенний ветер в берлогу Славика.

Краснослав хотел ещё и оторвать обои, но служанки отговорили его от этого занятия. Всё равно вечером ему придётся уезжать, а переклеить всё они точно не успеют.

– Вы б лучше в дорогу собралися, господин, – робко улыбнулась старшая из горничных.

– Мы уж тута сами порядочек наведём.

Кувалда кивнул. Профессионалы наверняка справятся лучше. Но всё равно тяжёлые мешки, забитые всякой всячиной, он лично отнёс на мусорку, хоть и пришлось сделать это в несколько ходок.

Всё равно собирать в дорогу было нечего. Несколько драных учебников, кое-как найденная смена белья и чудом уцелевший дневник Славика, который Кувалда решил изучить на досуге. Остальное он хотел купить по прибытию.

Гимназия ждала и манила его, будто свет ещё неизведанных звёзд.